

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.024
УДК 314.422-053.2: 94(470.54)

Д. С. Бахарев
Е. М. Главацкая

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ПРИЧИНЫ ДЕТСКОЙ СМЕРТНОСТИ В ЕКАТЕРИНБУРГЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.: ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ

Статья посвящена выявлению основных причин детской смертности в позднеимперском русском городе, примером которого выступил Екатеринбург — уездный, но экономически развитый и быстрорастущий региональный центр, для которого были характерны типичные проблемы европейского города рубежа XIX–XX вв. — перенаселение, антисанитария, недостаток медицинских кадров. Источником исследования выступил корпус записей о детских смертях из метрических книг двух православных приходов Екатеринбурга — Вознесенского и Богоявленского — за 1880–1919 гг., включающий 7 187 записей и являющийся составной частью базы данных «Регистр населения Урала». Выбранный набор записей был распределен по шести базовым группам классификации причин смертности исторического населения, разработанной европейскими историческими демографами: 1) вызванные инфекциями; 2) вызванные неинфекционными заболеваниями; 3) описанные устаревшими народными терминами; 4) вызванные внешними причинами; 5) поврежденные записи; 6) без указания причины. В ходе исследования была выявлена крайне низкая вовлеченность профессиональных медиков в систему регистрации смертности — менее 4 % детских смертей было завизировано врачами. Чаще всего функцию установления и записи причины смерти в Екатеринбурге выполняло духовенство, притом достаточно добросовестно. В отличие от европейских городов конца XIX — начала XX в. указание конкретной причины смерти содержалось практически во всех записях метрических книг. В результате проведенного исследования было установлено, что основной причиной смерти детей в Екатеринбурге (65 % всех случаев) были инфекционные заболевания; доля умерших от болезней, описанных устаревшими терминами, составляла до 28 % всех случаев; остальные 7 % смертей маленьких екатеринбуржцев были связаны с неинфекционными заболеваниями. Смерти, наступившие от внешних причин, составляли менее одного процента.

К л ю ч е в ы е с л о в а: историческая демография; детская смертность; классификация; причины смерти; метрические книги; позднеимперская Россия; население Урала; история Екатеринбурга в конце XIX — начале XX века

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по соглашению № 19-09-00292 «Пространственный анализ детской смертности на Урале в конце XIX — начале XX в.: этно-религиозные и социально-экономические факторы». Авторы благодарят *Л. И. Бродскую*, старшего преподавателя департамента математики, механики и компьютерных

наук Уральского федерального университета, за консультацию по методам математических вычислений.

Ц и т и р о в а н и е: Бахареv Д. С., Глаvацкая Е. М. Причины детской смертности в Екатеринбургe на рубеже XIX–XX вв.: опыт классификации. DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.024 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 79–96.

Поступила в редакцию: 03.01.2020

Принята к печати: 08.04.2020

Dmitry S. Bakharev
Elena M. Glavatskaya
Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

CAUSES OF CHILD MORTALITY IN YEKATERINBURG AT THE TURN OF THE 20th CENTURY: CLASSIFICATION EXPERIENCE

This article aims to identify the main causes of child mortality in late imperial urban Russia with reference to Yekaterinburg, a peripheral but economically developed and rapidly growing regional centre characterised by the typical problems of European cities of the turn of the twentieth century, such as overpopulation, very basic sanitation, and lack of medical personnel and infrastructure. The research is done with reference to records of child deaths from the church books of two Orthodox parishes in Yekaterinburg, i.e. Ascension and Epiphany between 1880 and 1919, comprising 7187 records, which are an integral part of the Ural Population Project database (URAPP). The authors divide the records in accordance with the international historical death causes classification developed by European historical demographers, including 1) deaths caused by infections; 2) noncommunicable diseases; 3) causes described by outdated popular terms; 4) deaths caused by external factors; 5) illegible records; 6) missing causes. The study reveals a low involvement of professional physicians in the mortality registration: fewer than 4 % of child deaths were certified by doctors. In Yekaterinburg, this duty was performed by the clergy, and in contrast to European cities of the turn of the twentieth century, an indication of the specific cause of death was stated in almost all the records. The analysis of the Yekaterinburg data shows that infectious diseases accounted for to 65 % of child deaths; diseases described by means of obsolete terms caused 28 % of child deaths; and noncommunicable diseases accounted for 7 % of deaths among young Yekaterinburg residents. Deaths due to external causes amounted to less than one percent.

Key words: historical demography; child mortality; classification; causes of death; church books; late imperial Russia; population of the Urals; Yekaterinburg history at the turn of the 20th century

Acknowledgements

The research is sponsored by the *Russian Foundation for Basic Research*, Grant 19-09-00292 “Spatial Analysis of Child Mortality in the Late 19th and Early 20th

Centuries Urals: Ethno-Religious and Socio-Economic Factors”. The authors thank *Larisa I. Brodskaya*, Senior Lecturer at the Department of Mathematics, Mechanics, and Computer Sciences, Ural Federal University for her valuable advice concerning calculations.

For citation: Bakharev, D. S., & Glavatskaya, E. M. (2020). Prichiny detskoj smertnosti v Ekaterinburge na rubezhe XIX–XX vv.: opyt klassifikatsii [Causes of Child Mortality in Yekaterinburg at the Turn of the 20th Century: Classification Experience]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 79–96. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.024

Submitted: 03.01.2020

Accepted: 08.04.2020

Введение

Младенческая и, шире, детская смертность считается интегральным показателем социально-экономического развития страны, так как именно на сохранение жизни детей — будущего нации — должны быть направлены максимальные усилия общества [Perez-Patron, DeSalvo, p. 343]. При исследовании феномена детской смертности ведущее значение имеет выявление ее основных причин — того, какие конкретные болезни и травмы уносили и продолжают уносить детские жизни. Раскрытие этого аспекта проблемы позволяет оценить уровень здоровьесберегающей культуры общества, а также выявить требующие внимания «больные места». Среди них могут быть невысокая санитарно-гигиеническая культура, низкий уровень и/или малодоступность медицинских услуг, отсутствие / сбой в системе вакцинирования, неэффективные практики ухода за детьми и т. д. Таким образом, за каждой причиной смерти стоит слабость одного из аспектов общественной системы. Определение лидирующих групп причин смертности и их динамики может позволить проследить эволюцию феномена, а также его проявления как во всем обществе, так и в его отдельных сегментах. Изучение причинности исторической детской смертности представляет интерес не только познавательный, но и практический в силу эволюции старых и появления новых инфекций; формирования противоречивых общественных настроений в отношении вакцинирования и отдельных болезней [World Health Organization]; развития негативных тенденций в системе отечественного здравоохранения [Письменная, Моженкова].

Историография

Попытки анализа причин смертности, в том числе детской, в условиях демографического перехода предпринимались неоднократно. Одно из первых комплексных решений было предложено еще в 1972 г. группой исследователей во главе с Сэмюэлем Престоном. Созданная ими классификация, с одной стороны, опиралась на содержание исторического источника, т. е. порой на простое

симптоматическое описание болезни, а с другой — ориентировалась на современный стандарт диагностики Международной классификации болезней (МКБ). Схема команды Престона включала 12 классов диагнозов, по которым были распределены причины смертности исторического населения 48 стран за период 1861–1964 гг. [Preston, Kevfitz, Schoen, p. 1–8]. Другой подход был предложен Томасом Маккьюэном, который поставил во главу угла связь болезни, вызвавшей смерть, с ее возбудителем. Он разделил все причины смерти на вызванные микроорганизмами, в том числе передающиеся 1) по воздуху; 2) через питье и еду; 3) иным путем; 4) те, что не связаны с микробами [McKeown, p. 50–64]. Эти работы заложили основные принципы всех последующих классификаций: идентификация причины исходя из описания проявления болезни, анализ источника и исторического контекста; выделение крупных классов, снижающих вероятность ошибки; акцент внимания на инфекционных заболеваниях; опора на исторические медицинские классификации. В таком русле были выполнены исследования причин смертности населения рубежа XIX–XX вв. в Германии — с учетом региональных классификаций, МКБ-4 и схемы Престона [Kintner]; Испании — на основе МКБ-1 и схемы Маккьюэна [Bernabeu-Mestre et al.]; колониальной Тасмании — на основе классификации Уильяма Фарра 1855 г., схемы Престона и МКБ-10 [Kirpen].

В российской исторической демографии, специализирующейся на работе с номинативными данными, несмотря на ее относительную молодость и небольшие масштабы, можно выделить несколько подходов в изучении исторических причин смертности населения. Наиболее консервативная позиция заключается в отказе от классификации и интерпретации причин смертности из-за условности диагнозов, зарегистрированных в дореволюционных метрических книгах¹ — их главном источнике. Сторонники этого подхода считают возможным работать только с самыми распространенными причинами смерти, симптомы которых были хорошо всем известны [Голикова, с. 112–114; Машарипова, с. 135–137]. При этом авторы используют такие формулировки, как «легочные заболевания» или «инфекционные заболевания», но в обиходном смысле, без реальной группировки и медицинской интерпретации. Близким к этому направлению можно считать пример анализа смертности подмосковного населения XIX в., где диагнозы были распределены исключительно в соответствии с синхронной исторической классификацией причин смерти [Троицкая, Авдеев].

В качестве второго направления можно выделить работы, выполненные в большей степени в русле источниковедения, чем исторической демографии. Их авторы отталкивались от степени достоверности диагноза, в результате корпус причин смерти населения Севастополя был разделен на четыре группы [Хабарова], а Екатеринбурга — на три [Бахарев, 2017].

¹ В большинстве случаев причины смерти устанавливались и записывались людьми без медицинского образования и, естественно, не всегда являлись диагнозами в буквальном смысле. В данной статье слово «диагноз» использовано именно в качестве синонима словосочетания «причина смерти».

Наконец, наиболее радикальные в этом смысле работы ставят своей целью распределение исторических причин смертности согласно современным медицинским классификациям. Подобный подход был использован при изучении смертности населения рубежа XIX — начала XX в. Олонецкой губернии [Смирнова] и Барнаула [Сарафанов, 2018].

Цель настоящего исследования состоит в изучении причин детской смертности в среде городского населения Урала поздней имперского периода на примере Екатеринбурга. Помимо классификации причин детской смертности и реконструкции их динамики, в статье проанализирована система регистрации смерти в городе, уровень медицинских знаний священников и степень достоверности вносимых ими сведений о возрастах умерших.

Источник и методы

Основным источником данного исследования стали записи регистрации смерти детей в возрасте до 15 лет включительно из метрических книг двух из четырех православных приходов Екатеринбурга — Вознесенского и Богоявленского, с 1880 по 1919 г. При этом для классификации причин смерти использовались сведения за весь период, а для погодного анализа динамики — лишь записи за 1881–1916 гг., исключая 1880, 1885–1888, 1904 гг. — из-за отсутствия метрических книг Вознесенского прихода за эти годы. Данные за 1917–1919 гг. не были включены в выборку из-за фрагментарности и недостаточной достоверности содержащихся в них сведений. Информация из метрических книг была транскрибирована в базу данных в рамках проекта «Регистр населения Урала» [Регистр населения Урала].

В общей сложности в ходе анализа использовано 7 187 записей о погребениях с зафиксированными причинами смерти (см. табл. 1).

Таблица 1

Транскрибированные записи из метрических книг Екатеринбурга за 1880–1919 гг. *

Приходы	Число записей о смерти	Число записей о смерти детей	
Вознесенский	8 281	4 959	60 %
Богоявленский	4 283	2 228	52 %
Всего	12 564	7 187	57 %

* Источник: [Регистр населения Урала].

Для контроля точности указания возраста ребенка в разделе о смерти нами было выполнено полуавтоматическое связывание записей о рождениях и смертях младенцев из метрических книг Вознесенского прихода с 1889 по 1919 гг. После ручной проверки полученных результатов достоверными

оказались 2 125 связей. Имея точные даты рождения и смерти, мы вычислили реальный возраст ребенка в днях на момент смерти и сравнили его с указанным в метрических книгах. Среднее арифметическое полученной разницы составило –18,8 дня, т. е. реальный возраст в среднем был выше указанного в записи о смерти почти на 19 дней. Другой вычисленный показатель — стандартное отклонение рассчитанного возраста от зарегистрированного при смерти составил 236 ± 7 дней (около 8 месяцев), что достаточно близко к итогам проверки точности данных XIX в. по населению Подмосковья [Троицкая, Авдеев, с. 6]. Такой результат ставит под сомнение достоверность данных о младенцах, но приемлем для исследования смертности взрослых и детей старше двух лет. Несмотря на серьезное отклонение, среднее значение довольно близко к нулю; это означает, что ошибки в регистрации возрастов делались в сторону как уменьшения, так и увеличения реального возраста и таким образом компенсировали друг друга. Провести аналогичную проверку по Богоявленскому приходу не удалось, поскольку работа по созданию базы данных о родившихся еще не закончена. Учитывая более респектабельный социальный состав этого прихода (см. далее в статье), есть основания полагать, что погрешность в регистрации возраста, напрямую связанная с уровнем грамотности, в нем должна была быть даже ниже, чем в Вознесенском приходе. Эти обстоятельства позволяют признать данные метрических книг удовлетворительными для решения поставленных исследовательских задач.

Методической основой работы послужил испанский вариант классификации причин смертности [Bernabeu-Mestre et al.], усовершенствованный группой европейских исторических демографов — Chr1876+. Она основана на разделении всех возможных вариантов записей о смертях на шесть групп: 1) вызванные инфекционными заболеваниями; 2) вызванные неинфекционными болезнями; 3) вызванные внешними причинами; 4) смерти, описанные устаревшими народными терминами; 5) поврежденные нечитаемые записи; 6) записи о смерти без указания причины². Подробное описание методики классификации приведено в одной из статей настоящего номера [Соммерсет, Волхаут].

Выбор именно этой классификации для анализа уральского материала связан с ее предельной простотой и универсальностью: базовые шесть категорий позволяют применить ее к историческому материалу любой страны. Кроме того, эта классификация является одной из самых успешно применяемых [Gamella, Martín Carrasco-Muñoz; Scott, Scott; Sommerseth, Walhout] и достаточно перспективной для развития исторической МКБ, активно разрабатываемой европейским историко-демографическим сообществом.

² Первые две группы делятся на подгруппы, которые, однако, в данной работе не рассматриваются.

Екатеринбург в конце XIX — начале XX в.

Екатеринбург в пореформенное время представлял собой один из самых динамичных и быстрорастущих городов Российской империи. После краткого экономического упадка, вызванного отменой крепостного права, и, как следствие, кризиса горнозаводской промышленности, город сумел диверсифицировать свое хозяйство, включив в его состав обрабатывающую промышленность, торговлю и финансы, транспорт и строительство, а также нарождающуюся сферу услуг [Микитюк, Яхно, с. 37–62]. Это вызвало значительный приток населения, в первую очередь, из близлежащей сельской округи и других губерний Европейской России — если в 1887 г. численность жителей Екатеринбурга составляла около 39 тыс. человек, то уже в 1912 г. — более 100 тыс. человек [Город Екатеринбург, с. 78; Бахарев, Заболотных]. Однако такой рост естественным образом усугублял имевшиеся инфраструктурные проблемы. Санитарное состояние города на протяжении всего указанного периода вызывало справедливое возмущение жителей — в Екатеринбурге не было водопровода и канализации, вывоз отходов не был централизован, а чистота улиц поддерживалась весьма условно [Микитюк, Яхно, с. 132–140]. Городская система здравоохранения также оставляла желать лучшего. Рост количества врачей и медицинских учреждений не успевал за ростом населения, что приводило к снижению плотности и эффективности екатеринбургской медицинской сети (см. табл. 2).

Таблица 2

Численность специалистов и учреждений медицины в Екатеринбурге

Категории специалистов / учреждений	1887		1912	
	Число специалистов / учреждений	Число жителей на одного специалиста / учреждение*	Число специалистов / учреждений	Число жителей на одного специалиста / учреждение
Врачи**	20	2 000	41	2 500
Фельдшеры	11	3 500	16	6 500
Акушерки***	23	1 700	20	5 200
Всего	54	700	77	1 300
Медико-санитарные учреждения****	10	4 000	30	3 400

* Числа в данной графе округлены до сотен для облегчения сравнения с зарубежными показателями.

** В том числе зубные.

*** Акушерки и оспопрививательницы.

**** В том числе больницы, роддома, зубные лечебницы, лаборатории и аптеки.

Источники: [Город Екатеринбург, с. 84, 87; Весь Екатеринбург..., с. 141–145].

Все это оказывало неблагоприятное влияние на детскую и особенно младенческую смертность³ в городе, которая фактически стагнировала в течение всего позднейшего периода (см. рис. 1).

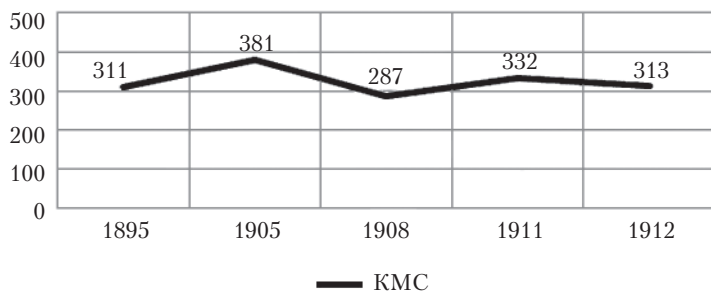

Рис. 1. Младенческая смертность в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX в., %

Источники: [Санитарный обзор, 1896, Приложение, с. 2–8; 1907, с. 25, 33; 1911, с. 14, 23; 1915, с. 23, 40; 1916, с. 9]

Fig. 1. Percentage of infant mortality in Yekaterinburg at the turn of the 20th century

Sources: [Sanitarnyi obzor, 1896, Appendix, pp. 2–8; 1907, p. 25, 33; 1911, p. 14, 23; 1915, p. 23, 40; 1916, p. 9]

Ситуация с младенческой смертностью в Екатеринбурге выглядела особенно удручающе на фоне стабильно улучшающихся показателей в уезде [Bakharev, Glavatskaya].

Конкретные изучаемые районы старого города — территории Вознесенского и Богоявленского приходов — также имели свои культурные и демографические особенности. Так, Вознесенский приход занимал север Екатеринбурга, имел разнородный сословный состав, значительную долю мигрантов до 1897 г. и весьма умеренную — после. В 1897 г. из Вознесенского прихода был выделен Александр-Невский, включивший в том числе территорию железнодорожного вокзала, вокруг которого, вероятно, и концентрировалось большое количество прибывавших в Екатеринбург переселенцев. Богоявленский приход, в свою очередь, был средоточием городской элиты — жители этого северо-западного района имели самый высокий уровень воцерковленности и самую низкую долю мигрантов в Екатеринбурге [Приходы и церкви..., с. 4–6, 14–18; Бахарев, 2020]. Кроме того, возраст мужчин, зарегистрировавших свой первый брак в Богоявленском приходе, был выше, чем в других православных приходах города, и приближался к европейской модели брачности [Главацкая, Бахарев, Заболотных].

Регистрация причин смерти в метрических книгах Екатеринбурга

Непосредственная функция определения причины смерти в зависимости от обстоятельств могла быть выполнена тремя разными специалистами: врачом,

³ Далее рассчитан коэффициент младенческой, а не детской смертности из-за отсутствия регулярных достоверных данных о численности населения города.

представителем власти (полицейской, судебной или административной) и клириком. Согласно данным метрических книг, процент завизированных специалистами смертей в Екатеринбурге не превышал 12 % в Вознесенском приходе и 9 % — в Богоявленском. Участие врача в процедуре регистрации смерти законом никак не регламентировалось; лишь в случае насильственной смерти пристав обязан был осмотреть тело. Процент детских смертей, освидетельствованных специалистами, был существенно ниже, чем смертей взрослых (см. табл. 3). Это было связано с тем, что взрослые чаще погибали от внешних причин — насилия и несчастных случаев, что требовало свидетельства представителя власти. Кроме того, взрослое население Екатеринбурга, очевидно, было гораздо лучше вовлечено в систему здравоохранения. Имея иммунитет к некоторым инфекциям, взрослые чаще страдали от хронических заболеваний, которые, не приводя к быстрой смерти, давали время, необходимое для диагностики и лечения. Также стоит иметь в виду известное в исторической науке представление о фаталистическом отношении большинства россиян к детской заболеваемости и смертности в XIX в., при котором болезнь ребенка воспринималась как результат его врожденной естественной слабости и потому не требовала обращения к врачу.

Таблица 3

Визы специалистов в записях о смертях 1880–1919 гг.*

Категории специалистов	Число записей о смерти детей		Число записей о смерти взрослых		Всего	
Вознесенский приход						
Медики	123	2,5 %	374	11,2 %	497	6 %
Представители власти	93	1,9 %	417	12,6 %	510	6 %
Клирики	4 743	95,6 %	2 531	76,2 %	7 274	88 %
Итого	4 959	100,0 %	3 322	100,0 %	8 281	100 %
Богоявленский приход						
Медики	23	1,0 %	90	9,4 %	113	4 %
Представители власти	12	0,6 %	153	15,9 %	165	5 %
Клирики	2 193	98,4 %	718	74,7 %	2 911	91 %
Итого	2 228	100,0 %	961	100,0 %	3 189	100 %

* Источник: [Регистр населения Урала].

Парадоксальным выглядит более низкий процент медицинских виз у населения Богоявленского прихода. Возможно, именно в силу своей респектабельности жители северо-запада предпочитали пользоваться услугами врачей частной практики и в случае смерти ребенка сообщали установленный ранее медицинский диагноз священнику, делавшему запись в метрической книге.

Таким образом, большая часть нагрузки по установлению и записи причины смерти ложилась на родных умершего и священно- и церковнослужителей.

В историографии сложились противоречивые мнения по поводу компетентности православных священников в медицине. Так, С. В. Голикова считает медицинские познания клириков XIX в. крайне низкими и допускает возможность анализировать лишь те из указанных ими диагнозов, которые четко были связаны с очевидными инфекциями и внешними причинами [Голикова, с. 112–114]. При этом исследовательница работала в основном с данными сельских и заводских приходов. Противоположного мнения придерживается Д. Е. Сарафанов, обративший внимание на то, что в конце XIX в. в программах обучения семинарий имелись медицинские курсы. По его мнению, уровень образования священников, по крайней мере, Покровской церкви Барнаула на рубеже XIX–XX вв., позволяет предположить относительную достоверность указанных ими диагнозов [Сарафанов, с. 50]. Стоит заметить, однако, что даже в начале XX в. лишь половина из них успела получить образование, включавшее медицинские курсы.

Пермская духовная семинария, выпускниками которой была большая часть священнослужителей рассматриваемых нами церквей [Справочная книжка..., с. 19–20], считалась одной из самых прогрессивных в империи в деле привития своим учащимся медицинских навыков [Авдеева]. Инструкции по лечению болезней, оказанию первой помощи и здоровьесбережению были частой рубрикой в «Адрес-календарях Екатеринбургской епархии» — официальном епархиальном «толстом» издании — с 1880-х гг. [см., например: Екатеринбургский епархиальный адрес-календарь, 1887, Врачебные советы, с. 1–11; Кибардин, с. 572–582]. Медицинский раздел был постоянной рубрикой «Екатеринбургских епархиальных ведомостей», издававшихся в 1886–1917 гг. [Нечаева, с. 623].

Однако надо иметь в виду, что не все священники успели пройти медицинское обучение или выработать навыки, необходимые для точного определения причины смерти. Кроме того, хоть в церковном законодательстве этого периода при описании правил заполнения метрик и упоминается священник как главное ответственное лицо, в целом ведение метрических книг входило в круг обязанностей псаломщика и диакона [Барсов, с. 367, 470; Новиков, с. 7–8], чье образование могло серьезно уступать священническому. Наконец, в связи с ростом населения увеличивалась и нагрузка на клир. Так, в метрики Вознесенского прихода за 1898–1900 гг. было суммарно внесено 1 282 записи о рождениях и смертях, а за 1912–1914 гг. — уже 1 499. При этом число клириков осталось прежним — всего семь человек, что могло сказываться на качестве их работы.

Опыт классификации причин смерти

Самым сложным этапом в классификации причин смерти исторического населения является интерпретация и распределение диагнозов по соответствующим категориям. При выполнении этой задачи в данном исследовании мы опирались на следующие базовые принципы: сведения из источника — метрических книг — анализировались в контексте современного им медицинского знания, отраженного в изданиях XIX–XX вв., общего исторического контекста

и опыта зарубежных и отечественных коллег. Проведенный анализ позволил выделить по пять основных причин смерти в каждой из первых четырех категорий классификации — именно на них пришлось почти 80 % всех смертей из нашей выборки (см. табл. 4).

Таблица 4

Пять самых частых причин смерти детей по категориям и их количество*

Инфекционные болезни	Неинфекционные болезни	От внешних причин	Устаревшие термины
понос (1867)	недонос ⁺ (342)	ожог+ (20)	родимец (955)
коклюш (417)	рахит (48)	утопление+ (13)	слабость+ (905)
воспаление легких (333)	водянка (24)	огнестрельная рана+ (4)	худоба+ (80)
скарлатина (312)	грыжа (18)	удушение+ (3)	истощение (5)
оспа (254)	порок сердца (14)	ушиб+ (2)	испуг (1)

* Источник: [Регистр населения Урала].

Анализ распределения причин детских смертей из метрических книг Вознесенского и Богоявленского приходов Екатеринбурга на основании классификации Cph1876+ показал, что инфекционные заболевания являлись основной причиной смерти детей на протяжении всего рассматриваемого периода, составляя почти 65 % всех случаев. Второе место (почти 28 %) занимали причины смерти, описанные устаревшими терминами, третье — неинфекционные заболевания (около 7 %). На остальные три категории — смерти от внешних причин, нечитаемые и без указания причины смерти — суммарно пришлось меньше 1 % (см. рис. 2).

Доля инфекционной (более архаичной) детской смертности выросла с 62,7 % в 1881–1899 гг. до 67,2 % в 1900–1916 гг., а доли смертей от неинфекционных болезней и смертей, описанных устаревшими терминами, в эти же отрезки времени немного снизились с 7,9 % до 5,5 % и с 28,7 % до 26,5 % соответственно. Таким образом, общая динамика смертности была полностью подчинена эпидемиям. При этом коэффициент корреляции между инфекциями и «устаревшими» причинами смерти составил всего 0,44, в то время как с неинфекционными диагнозами — 0,83. Это разрушает, казалось бы, очевидное предположение, что устаревшими терминами обозначали в основном инфекции. Также встает логичный вопрос о причине такой согласованности колебаний между инфекционной и неинфекционной смертностью. Больше половины случаев, отнесенных к группе «неинфекционные заболевания», составили смерти

¹ Знак «+» означает, что в источнике встречается несколько вариантов формулировок, которые в таблице объединены одним самым частотным термином.

с диагнозом «недонос». Можно предположить, что родившиеся раньше срока дети изначально считались «слабыми» и в случае их смерти в качестве причины автоматически указывали именно недоношенность. Однако, возможно, мы неверно трактуем термин «недонос» и наделяем его слишком конкретным современным значением, в то время как он, наподобие «родимца» и «слабости», мог использоваться просто для обозначения ранней младенческой смерти.

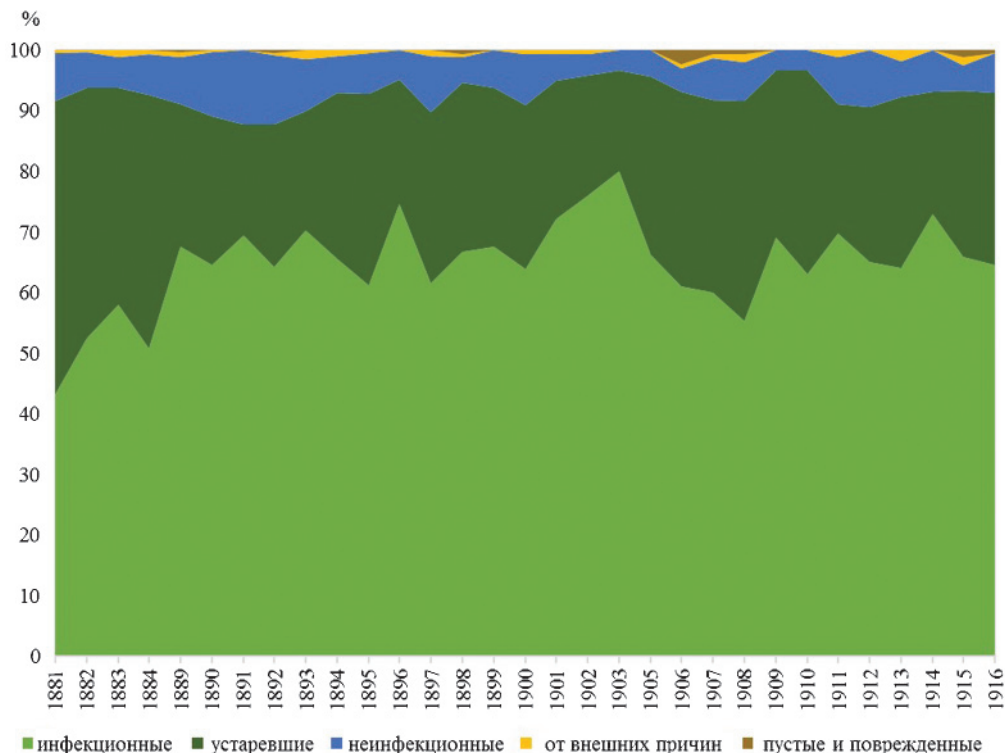

Рис. 2. Детская смертность в Вознесенском и Богоявленском приходах Екатеринбурга, 1881–1916 гг.

Источник: [Регистр населения Урала]

Fig. 2. Child mortality in the Ascension and Epiphany parishes of Yekaterinburg, 1881–1916

Source: [Population Register of the Urals]

Любопытным выглядит резкое сокращение доли диагнозов, обозначенных устаревшими терминами, в начале 1880-х гг. — с 40,8 % в 1881–1884 гг. до 26,2 % в 1889–1892 гг., причем почти полностью за счет Вознесенского прихода. К сожалению, метрики прихода за 1885–1888 гг., когда в нем произошли существенные изменения в методике диагностирования и записи причин смерти, не сохранились. Проанализировав состав клира, мы обнаружили, что в 1886 г. к службе в Вознесенской церкви приступил священник Иоанн Корнилов, кандидат Киевской духовной академии [Сребрянский, с. 21]. С такой квалификацией он

являлся одним из самых образованных клириков в Екатеринбурге. Можно предположить, что именно он модернизировал практику записи причины смерти. До его прихода погребениями занимались два священника — Иоанн Бирюков и Константин Киселев. За период 1881–1884 гг. доля записей о детских смертях, где они использовали устаревшие термины, достигала почти 41 %, причем оба священника использовали их одинаково часто. В 1889–1892 гг., когда к ним присоединился Иоанн Корнилов, частота использования устаревших терминов при регистрации причин смерти детей в приходе снизилась до 26 %. Это дает основание предположить, что Иоанн Корнилов, будучи на двадцать лет моложе остальных иереев прихода, которым к тому времени было примерно 50–55 лет, не только сам избегал использования устаревших названий, но и смог привить новые навыки коллегам.

Выводы

Характерной чертой регистрации смертей, в том числе и детских, в метрических книгах Екатеринбурга было крайне незначительное число записей (всего 15), где причина смерти не была указана. При этом в подавляющем числе случаев (около 96 %) причина смерти устанавливалась священником. Учитывая тот факт, что в конце XIX в. медицинская инфраструктура города активно развивалась, а церковь, в том числе епархиальные власти, придавали большое значение медицинскому образованию священников, их компетентность в деле определения причин смерти прихожан хоть и была невысока, но постепенно улучшалась. В частности, на примере Вознесенского прихода удалось связать позитивное изменение в определении причин смерти детей с появлением нового молодого высокообразованного священника. Сравнение вычисленных реальных возрастов детей на момент смерти и тех, что были записаны в разделе метрик о смертях, показало, что несоответствие было довольно велико, но равномерно распределено; исходя из этого, мы предположили, что итоговые значения естественным образом сбалансированы. Приведенные аргументы позволяют считать данные городских метрических книг 1880–1919 гг. достаточно надежным источником для изучения детской смертности. Данные о младенцах требуют дополнительной корректировки.

Опыт классификации причин детской смертности в позднимперском Екатеринбурге согласно международной схеме Chp1876+, безусловно, позволил получить более полное представление о феномене. Больше всего детских жизней прерывалось из-за инфекционных заболеваний — 65 % всех случаев; следующей по степени распространенности категорией были заболевания или состояния, описанные устаревшими народными терминами, — они составляли 28 %. Преждевременная смерть маленьких екатеринбуржцев в 7 % всех случаев была связана с неинфекционными заболеваниями. Смерти, наступившие от внешних причин, составляли менее одного процента. Детская смертность от инфекций оставалась стабильно высокой на протяжении всего рассматриваемого периода,

что неудивительно, поскольку санитарное состояние в городе не улучшалось, а его бурный рост еще более усиливал нагрузку на инфраструктуру, медиков и священников. Дальнейшее развитие классификации смертности исторического населения позволит создать более детальную эпидемическую картину Екатеринбурга конца XIX — начала XX в., а связывание всех записей в «Регистре населения Урала» даст возможность проследить особенности снижения детской смертности на уровне отдельных районов, поколений, социальных групп и семей.

Источники

Барсов Т. В. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. Т. 1. СПб. : Синодальная тип., 1885.

Весь Екатеринбург и горнопромышленный Урал : торгово-промышленный справочник. 1912 г. Год издания III / под ред. Л. Я. Френкеля. Екатеринбург : Электро-тип. А. Р. Вельц, 1912.

Город Екатеринбург / под ред. И. И. Симанова. Екатеринбург : Уральский рабочий, 2007 (Репр. изд. по: Екатеринбург : Тип. «Екатеринбургской недели», 1889).

Екатеринбургский епархиальный адрес-календарь на 1887 год. Екатеринбург : б. и., 1887.

Кибардин Н. М. Адрес-календарь Екатеринбургской епархии на 1900 год. Екатеринбург : Тип. Ф. К. Хомутова, 1900.

Новиков Л. П. Метрики (общие акты состояний). СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1907.

Приходы и церкви Екатеринбургской епархии : [ист. очерк]. Екатеринбург : Братство св. праведного Симеона, верхотурского чудотворца, 1902.

Регистр населения Урала — База данных «Регистр населения Урала». URL: <http://urapdataurg.ru/urfu.ru/ural-population-project> (дата обращения: 19.02.2020).

Санитарный обзор Пермской губернии за 1895 год. Пермь : Тип. губ. зем. упр., 1896.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1905 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1907.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1908 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1911.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1911 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1915.

Санитарный обзор Пермской губернии за 1912 год. Пермь : Электро-тип. губ. зем., 1916.

Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1915 год. Екатеринбург : Тип. Е. Н. Ершова и К^о, 1915.

Сребрянский П. П. Справочная книжка Екатеринбургской епархии на 1909 год. Екатеринбург : Тип. А. М. Жукова, 1909.

World Health Organization. Ten threats to global health in 2019. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/ten-threats-to-global-health-in-2019> (date of access: 19.02.2020).

Исследования

Авдеева А. Д. Начальная медицинская подготовка воспитанников духовных семинарий в дореволюционной России // Высшее образование в России. 2014. № 4. С. 142–146.

Бахарев Д. С. Причины смертности в Екатеринбурге в конце XIX — начале XX вв.: опыт анализа данных метрических книг // Демографический потенциал стран ЕАЭС : VIII Уральский демографический форум, международная научная конференция : сб. ст. / [отв. ред.: А. И. Кузьмин]. Екатеринбург : Ин-т экономики УрО РАН, 2017. С. 63–67.

Бахарев Д. С. Православные приходы Екатеринбурга в начале XX века: численность и соотношение // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 297–304.

Бахарев Д. С., Заболотных Е. А. «Еще до войны»: опыт реконструкции численности населения Екатеринбурга в 1913 году // Вестник РУДН. Серия: История России. 2020. № 4. [В печати].

Главацкая Е. М., Бахареv Д. С., Заболотных Е. А. База данных «Метрические книги Богоявленского собора Екатеринбургa»: опыт создания и перспективы использования // Церковь. Богословие. История. 2020. № 1. С. 305–311.

Голикова С. В. Детская смертность в Пермской губернии (вторая половина XIX — начало XX в.): источниковедческий и методический аспекты. Екатеринбург : РИО УрО РАН, 2012.

Машаринова А. Х. Детская смертность у коми-зырян нижнего Приоболья в конце XIX — начале XX в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2014. № 1 (24). С. 133–137.

Микитюк В., Яхно О. Повседневная жизнь Екатеринбургa на рубеже XIX–XX веков: Очерки городского быта. Екатеринбург : АМБ, 2014.

Нечаева М. Ю. Екатеринбургские епархиальные ведомости, 1886–1917 гг.: аннотированный библиографический указатель. Екатеринбург : Информационно- издат. отд. Екатеринбургской епархии, 2009.

Письменная Е. Е., Моженкова Е. М. Доступность и качество медицинских услуг в российской системе здравоохранения. DOI 10.12737/18149 // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2016. № 2 (22). С. 36–39.

Сарафанов Д. Е. Опыт анализа причин смерти населения Барнаула во второй половине XIX — начале XX в. (по материалам метрических книг). DOI 10.15826/izv2.2018.20.4.065 // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2018. Т. 20. № 4 (181). С. 46–62.

Смирнова С. С. Смертность в Олонецкой губернии в XIX — начале XX в.: к вопросу о фиксации причин смерти (по материалам метрических книг) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». 2002. № 30. С. 196–199.

Соммерсет Х. Л., Волхат Э. Городская смертность в Норвегии во второй половине XIX в. (по материалам приходских книг Тронхейма) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2 : Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 28–43.

Трошцкая И. А., Авдеев А. А. Первая российская номенклатура болезней и диагностика причин смерти в XIX в.: частный случай. DOI 10.3897/porecon.2.e36059 // Население и экономика. 2018. № 2 (4). С. 1–46.

Хабарова О. В. Анализ основных аспектов смертности населения г. Севастополя в XIX в. при помощи базы данных (по материалам метрических книг) // Круг идей: Междисциплинарные подходы в исторической информатике : труды X конференции Ассоциации «История и компьютер» / ред. Л. И. Бородкин, И. М. Гарскова. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2008. С. 115–133.

Bakharev D., Glavatskaya E. Chapter 11. Infant mortality in the late 19th and early 20th century Urals: macro and micro analyses. DOI 10.15826/B978-5-7996-2656-3.12 // Nominative Data in Demographic Research in the East and the West / eds. E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2019. P. 202–219.

Bernabeu-Mestre J. P., Farñas D. R., Gimeno A. S., González E. R. El análisis histórico de la mortalidad por causas. Problemas y soluciones // Revista de Demografía Histórica. 2003. Vol. XXI. № 1. P. 167–193.

Gamella J. F., Martín Carrasco-Muñoz E. The decline of infant and child mortality among Spanish Gitanos or Calé (1871–2005): A microdemographic study in Andalusia. DOI 10.4054/DemRes.2017.36.33 // Demographic Research. 2017. Vol. 36. P. 945–988.

Kintner H. J. Classifying Causes of Death during the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: The Case of German Infant Mortality. DOI 10.1080/01615440.1986.10594168 // Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History. 1986. Vol. 19. № 2. P. 45–54.

Kippen R. “Incorrect, loose and coarse terms”: classifying nineteenth-century English-language causes of death for modern use. An example using Tasmanian data. DOI 10.1007/s12546-011-9065-2 // Journal of Population Research. 2011. Vol. 28. № 4. P. 267–291.

McKeown T. The Modern Rise of Population. London : Edward Arnold, 1976.

Perez-Patron M., DeSalvo B. Infant mortality // Handbook of Population / ed. L. P. Dudley. S. l. : Springer Nature, 2019. P. 343–354.

Preston S. H., Kevfitz N., Schoen R. Causes of death. Life tables for national populations. London : Seminar Press Ltd., 1972.

Scott A. S. V., Scott D. Mortality in the Far South of Brazil: Free and Slave Population in the parish of Madre de Deus de Porto Alegre, Brazil (1772–1854) // IUSSP XVIII IPC paper. URL: <https://iussp.confex.com/iussp/ipc2017/meetingapp.cgi/Paper/6238> (date of access: 02.03.2020).

Sommerseth H. L., Walhout E. C. Chapter 10. Deaths in a city: a view from the 19th century church registers in Norway. DOI 10.15826/B978-5-7996-2656-3.11 // *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* / eds. E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, M. Szoltysek. Ekaterinburg : Ural Univ. Press, 2019. P. 185–201.

References

Avdeeva, A. D. (2014). Nachal'naia meditsinskaia podgotovka vospitannikov dukhovnykh seminarii v dorevoliutsionnoi Rossii [Primary Medical Training in Theological Colleges of Pre-revolutionary Russia]. *Higher Education in Russia*, 4, 142–146.

Bakharev, D. (2017). Prichiny smertnosti v Ekaterinburge v kontse XIX — nachale XX vv.: opyt analiza dannykh metricheskikh knig [Causes of Death in the Late 19th — Early 20th Centuries Yekaterinburg: Parish Records Data Analysis]. In A. I. Kuzmin (Ed.), *Demograficheskii potentsial stran EAES* [Demographic Potential of the EEC Countries: VIII Ural Demographic Forum] (Vol. 2, pp. 63–67). Yekaterinburg: Institute of Economics UB RAS.

Bakharev, D. (2020). Pravoslavnye prikhody Ekaterinburga v nachale XX veka: chislennost' i sootnoshenie [Orthodox Parishes in Early 20th-Century Yekaterinburg: Population and Structure]. *Church. Theology. History*, 1, 297–304.

Bakharev, D., & Glavatskaya, E. (2019). Chapter 11. Infant Mortality in the Late 19th and Early 20th Century Urals: Macro and Micro Analyses. In E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, & M. Szoltysek (Eds.), *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* (pp. 202–219). Ekaterinburg: Ural University Press. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-2656-3.12>

Bakharev, D., & Zabolotnykh, E. (2020, in print). “Eshche do voyny”: opyt rekonstruktsii chislennosti naseleniia Ekaterinburga v 1913 godu [Before the First World War: Reconstruction of Yekaterinburg City (Urals, Russia) Population in 1913]. *RUDN Journal of Russian History*.

Bernabeu-Mestre, J., Fariñas, D. R., Gimeno, A. S., & González, E. R. (2003). El análisis histórico de la mortalidad por causas. Problemas y soluciones [The Historical Death Cause Analysis. Problems and Solutions]. *Revista de Demografía Histórica*, XXI(1), 167–193.

Gamella, J. F., & Martín Carrasco-Muñoz, E. (2017). The Decline of Infant and Child Mortality among Spanish Gitanos or Calé (1871–2005): A Microdemographic Study in Andalusia. *Demographic Research*, 36, 945–988. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2017.36.33>

Glavatskaya, E., Bakharev, D., & Zabolotnykh, E. (2020). Baza dannykh “Metricheskie knigi Bogoiavlenskogo sobora Ekaterinburga”: opyt sozdaniia i perspektivy ispol'zovaniia [The Database “Parish Records of Epiphany Cathedral of Yekaterinburg”: Building and Usage]. *Church. Theology. History*, 1, 305–311.

Golikova, S. V. (2012). *Detskaia smertnost' v Permskoi gubernii (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.): istochnikovedcheskii i metodologicheskii aspekty* [Child Mortality in Perm Province (Second Half of the 19th — Early 20th Centuries): Source Study and Methodical Aspects]. Yekaterinburg: UB RAS.

Khabarova, O. V. (2008). Analiz osnovnykh aspektov smertnosti naseleniia g. Sevastopolia v XIX v. pri pomoshchi bazy dannykh (po materialam metricheskikh knig) [Mortality in 19th-Century Sevastopol: Nominative Data Analysis]. In L. I. Borodkin, & I. M. Garskova (Eds.), *Krug idei: Mezhdistsiplinarnye podkhody v istoricheskoi informatike. Trudy X konferentsii Assotsiatsii “Istoriia i komp'iuter”* [Range of Ideas: Interdisciplinarity in Historical Informatics. Proceedings of the 10th Association for History and Computing Conference] (pp. 115–133). Moscow: Moscow University Press.

- Kintner, H. J. (1986). Classifying Causes of Death during the Late Nineteenth and Early Twentieth Centuries: The Case of German Infant Mortality. *Historical Methods: A Journal of Quantitative and Interdisciplinary History*, 19(2), 45–54. <https://doi.org/10.1080/01615440.1986.10594168>
- Kippen, R. (2011). “Incorrect, loose and coarse terms”: Classifying Nineteenth-Century English-Language Causes of Death for Modern Use. An Example Using Tasmanian Data. *Journal of Population Research*, 28(4), 267–291. <https://doi.org/10.1007/s12546-011-9065-2>
- McKeown, T. (1976). *The Modern Rise of Population*. London: Edward Arnold.
- Masharipova, A. Kh. (2014). Detskaia smertnost’ u komi-zyrian nizhnego Pritobol’ia v kontse XIX — nachale XX v. [Child Mortality of Komi-Zyryans from the Low Tobol Region in the Late 19th — Early 20th Centuries]. *Vestnik arheologii, antropologii i etnografii*, 1 (24), 133–137.
- Mikityuk, V., & Yakhno, O. (2014). *Povsednevnyaya zhizn’ Ekaterinburga na rubezhe XIX–XX vekov: Ocherki gorodskogo byta* [The Daily Life of Yekaterinburg at the Turn of the 20th Century. Essays on Urban Life]. Yekaterinburg: AMB.
- Nechaeva, M. Yu. (2009). *Ekaterinburgskie eparkhial’nye vedomosti, 1886–1917 gg.: annotirovannyi bibliograficheskii ukazatel’* [“The Yekaterinburg Diocese Journal” 1886–1917: A Catalogue]. Yekaterinburg: Informatsionno-izdat. otd. Ekaterinburgskoi eparkhii.
- Perez-Patron, M., & DeSalvo, B. (2019). Infant Mortality. In L. P. Dudley (Ed.), *Handbook of Population* (pp. 343–354). S. l.: Springer Nature.
- Pismennaya, E., & Mozhenkova, E. (2016). Access and Quality of Medical Care in the Russian Health Service. Humanities. *Bulletin of the University of Finance*, 6(2), 36–39. <https://doi.org/10.12737/18149>
- Preston, S. H., Kevfitz, N., & Schoen, R. (1972). *Causes of Death. Life Tables for National Populations*. London: Seminar Press Ltd.
- Sarafanov, D. E. (2018). Opyt analiza prichin smerti naseleniia Barnaula vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. (po materialam metriceskikh knig) [An Attempt at Analysing the Causes of Death in Barnaul Population in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries (with Reference to Metric Books)]. *Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 20(4), 46–62. <https://doi.org/10.15826/izv2.2018.20.4.065>
- Scott, A. S. V., & Scott, D. (2017). Mortality in the Far South of Brazil: Free and Slave Population in the Parish of Madre de Deus de Porto Alegre, Brazil (1772–1854). *IUSSP XVIII IPC Paper*. Retrieved from <https://iussp.confex.com/iussp/ipc2017/meetingapp.cgi/Paper/6238>
- Smirnova, S. S. (2002). Smertnost’ v Olonetskoi gubernii v XIX — nachale XX v.: k voprosu o fiksatsii prichin smerti (po materialam metriceskikh knig) [Mortality in 19th — Early 20th Centuries Olonets Province: Death Causes Registration in Parish Books]. *Informatsionnyi biulleten’ Assotsiatsii “Istoriia i komp’yuter”*, 30, 196–199.
- Sommerseth, H. L., & Walhout, E. C. (2019). Chapter 10. Deaths in a City: A View from the 19th Century Church Registers in Norway. In E. Glavatskaya, G. Thorvaldsen, G. Fertig, & M. Szoltysek (Eds.), *Nominative Data in Demographic Research in the East and the West* (pp. 202–219). Ekaterinburg: Ural University Press. <https://doi.org/10.15826/B978-5-7996-2656-3.11>
- Sommerseth, H. L., & Walhout, E. C. (2020). Gorodskaiia smertnost’ v Norveгии vo vtoroi polovine XIX v. (po materialam prikhodskikh knig Tronheima) [Mortality and Causes of Death in Late 19th-Century Trondheim, Norway (with Reference to Parish Registers Analysis)]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22(2), 28–43.
- Troitskaya, I., & Avdeev, A. (2018). Pervaia rossiiskaia nomenklatura boleznei i diagnostika prichin smerti v XIX v.: chastnyi sluchai [The First Russian Nomenclature of Diseases and Cause of Death Diagnosis in the 19th Century: A Particular Case]. *Population and Economics*, 2 (4), 1–46. <https://doi.org/10.3897/popecon.2.e36059>

Бахарев Дмитрий Сергеевич

младший научный сотрудник лаборатории
«Международный центр демографических
исследований»

Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: dmitry.bakharev@urfu.ru

Bakharev, Dmitry Sergeevich

Junior Research Fellow
International Demographic Unit
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: dmitry.bakharev@urfu.ru
ORCID: 0000-0002-5654-0685
ResearcherID: U-7766-2019

Главацкая Елена Михайловна

доктор исторических наук, профессор
кафедры археологии и этнологии
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, 51
E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

Glavatskaya, Elena Mikhailovna

Dr. Hab. (History), Professor
Department of Archaeology and Ethnology
Ural Federal University
51, Lenin Ave.,
620000 Yekaterinburg, Russia
Email: elena.glavatskaya@urfu.ru
ORCID: 0000-0001-7013-5013
ResearcherID: A-7566-2012
Scopus AuthorID: 55587715900